

ДЖЕЙМС

БАЛЛАРД

ПРИВЕТ, АМЕРИКА!

*Книги, изменившие мир.
Писатели, объединившие
поколения.*

Э К С К Л Ю З И В Н А Я К Л А С С И К А

Эксклюзивная классика (АСТ)

Джеймс Баллард
Привет, Америка!

«Издательство АСТ»

1981

УДК 821.111-312.9
ББК 84(4Вел)-44

Баллард Д. Г.

Привет, Америка! / Д. Г. Баллард — «Издательство АСТ»,
1981 — (Эксклюзивная классика (АСТ))

ISBN 978-5-17-983242-3

Энергетический кризис, разразившийся в конце XX века вследствие климатических изменений, привел к тому, что Америка обезлюдела. Спустя столетие небольшая группа исследователей из Европы отправляется в экспедицию на заброшенный континент. Они обнаруживают, что большая часть страны превратилась в пустыню, населенную разрозненными сообществами, исполняющими причудливые ритуалы. Экспедиция следует из Манхэттена через сеть отелей «Холидей Инн» и тематические парки и в конце пути сталкивается с удивительной новой силой, сформировавшейся в самом сердце Лас-Вегаса. В формате a4.pdf сохранен издательский макет книги.

УДК 821.111-312.9

ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-17-983242-3

© Баллард Д. Г., 1981

© Издательство АСТ, 1981

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	8
Глава 3	11
Глава 4	13
Глава 5	18
Глава 6	22
Глава 7	24
Глава 8	28
Глава 9	32
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Джеймс Баллард Привет, Америка!

Глава 1 Золотой берег

– Золото, Уэйн, оно повсюду! Проснись, глянь на этот сверкающий песок! Улицы Америки усыпаны золотом!

Позже, когда «Аполлон» причалил к заброшенному пирсу Кунард в южной части Манхэттена, Уэйн с усмешкой вспомнил, с каким взволнованным видом Макнэр, главный механик, ворвался в парусную каюту. Он бурно жестикулировал, борода светилась, как яркий фонарь.

– Уэйн, вот оно – все то, о чем мы мечтали! Взгляни хоть одним глазком!

Макнэр едва не вытряхнул его из гамака, но Уэйн уцепился за металлический потолок и пристально посмотрел на бороду механика, которая приобрела пламенный оттенок. Каюту наполнило жутковатое медное свечение, золотистым покрывалом окутывая Уэйна. Они словно попали в самый эпицентр радиоактивного урагана.

– Макнэр, стой! Сходи к доктору Риччи! Вдруг ты...

Но Макнэр уже побежал оповещать остальных членов экипажа. Его крики теперь доносились из угольного бункера, наверняка он перепугал там рабочих. После ночной вахты, что закончилась в восемь утра, Уэйн проспал весь день, а «Аполлон» тем временем встал на якорь в километре от побережья Бруклина – видимо, чтобы профессор Саммерс и другие ученые проверили атмосферу. Теперь они были готовы войти в нью-йоркскую гавань и наконец-то ступить на берег – впервые с начала плавания.

Скрипнули и запыхтели лебедки, якорные цепи заскребли по обшивке. Уэйн слез с гамака и быстро оделся. Треснутое зеркало на двери показало золотистое лицо и испуганные глаза под крышей из соломенных волос, как у растрепанного ангелочка. Когда Уэйн вышел на палубу, дымоход выплюнул облачко сажи, а сияющий передний парус будто покрылся сотнями светлячков. У перил толпились члены экипажа и пассажиры, нетерпеливо переступая с ноги на ногу, пока древние двигатели «Аполлона», явно выдохшиеся за семь недель плавания из Плимута через Атлантический океан, с трудом вели корабль по спокойным прибрежным водам.

Злой на самого себя – волнение охватило и его, – Уэйн вглядывался в манящий берег Бруклина, берег безмолвных причалов и складов. Вечернее солнце повисло над пустынными улицами Манхэттена, добавляя острову блеска. На мгновение Уэйну показалось, что все эти давно затихшие авеню и автострады облачились в драгоценные наряды специально к его прибытию.

Остался позади огромный висячий мост Верразано-Нарроус – Уэйн знал его по старым слайдам из библиотеки Географического общества в Дублине. Он часами разглядывал тысячи снимков Америки, но не был готов к такому размаху и необычной форме моста. Заброшенная на целый век, эта конструкция непостижимым образом стала еще величественнее. Многие из вертикальных тросов обломились, а в общем и целом медное сооружение, заржавевшее и покрытое зелеными пятнами, напоминало опрокинутую арфу, играющую свою последнюю песню равнодушному морю.

Уэйн никак не мог осознать, что приближается к тому самому Манхэттену, фотографии которого он мечтательно разглядывал в темноте проекционного зала библиотеки. Лучи закатного солнца прорезали пространство между башнями. Даже с расстояния в пять километров было видно, как сияют бронзой стеклянные стены гигантских строений, словно улицы

под ними усыпаны золотыми слитками. Вон виднеется Эмпайр-Стейт-билдинг, почтенный старейшина города, а вон там башни-близнецы Всемирного торгового центра и двухсотэтажная башня ОПЕК, возвышающаяся над Уолл-стрит, – ее неоновая вывеска указывает в сторону Мекки. Вместе эти здания составляли до боли знакомый силуэт.

Из машинного отделения снова донеслись вопли Макнэра.

– Какие лопаты! – кричал он истопникам. – Нужно что-нибудь посерьезнее, там глубина – сантиметров пятнадцать, как будто принесло с самих Аппалачей!

Макнэр заразил его своим волнением, и Уэйн усмехнулся, глядя на золотой берег. Хотя Макнэру было всего двадцать пять («Лишь на четыре года старше меня», – подумал Уэйн), он любил изображать из себя пресыщенного жизнью знатока, особенно когда показывал людям свое жуткое машинное отделение с паровыми котлами, непонятными поршнями и соединительными рычагами, прямо как из девятнадцатого века. Однако Макнэр и правда отлично справлялся с работой и мог починить что угодно. Дай ему точку опоры, и он сдвинет с места Землю, а уж «Аполлон» тем более. Эдисон и Генри Форд могли бы им гордиться.

Несмотря на все свои странности, именно Макнэр первым подружился с юным Уэйном, который тайком залез на корабль и спрятался под брезентовым тентом на капитанской гичке – там на второй день плавания продрогшего безбилетника и обнаружил доктор Риччи. Именно Макнэр вступился за него и уговорил капитана Штайнера переместить гамак Уэйна из сырой судомойни за камбузом в тепло темной парусной каюты. Возможно, в решительном желании Уэйна добраться до Соединенных Штатов Макнэр узнал себя, ведь он тоже жаждал покинуть утомленную Европу, залитую мерцанием свечей, ему тоже надоела жизнь с продуктами по карточкам, лишенная шансов на какое-либо улучшение.

Подобные мотивы двигали не только Макнэром – весь корабль был полон мечтаний и надежд. Хлопья сажи из дымохода сыпались на головы пассажиров, а они стояли на месте и молча показывали пальцами на золотые берега Манхэттена, Бруклина и Нью-Джерси, пораженные великолепием, с которым их встречал забытый континент.

Послышались крики коротышки Орловского, главы экспедиции: он просил капитана Штайнера поддать угля. Его голос звучал нетерпеливо, и на мгновение в нем вновь проскользнул акцент, хотя за время плавания киевлянин Орловский научился говорить с американскими интонациями.

– Полный вперед, капитан! – взревел он через свой карманный мегафон. – Мы все вас жаждали! Надеюсь, вы там не передумали?

Однако Штайнер, как всегда, не спешил. Широко расставив ноги, он стоял посреди капитанского мостика рядом с рулевым и спокойно, не мигая, смотрел на берег, как опытный путешественник смотрит на мираж в пустыне. Штайнер был коренастым мужчиной и имел необыкновенно нежную кожу рук. Сейчас ему было за сорок, и почти половину своей жизни он прослужил в израильском флоте. Непредсказуемый в своих ходах шахматист, математик-любитель и при этом опытный мореплаватель, Штайнер заинтриговал Уэйна с их самой первой встречи, когда он выглянул из-под перевернутой гички и поймал насмешливый взгляд капитана.

Штайнер, несомненно, как и любой другой человек на борту «Аполлона», вынашивал собственные планы, связанные с новой землей. Когда Уэйна обнаружили в лодке, капитан отвел его к себе в каюту, и, пока Штайнер убирал в сейф конфискованный пистолет доктора Риччи, Уэйн успел заметить внутри старые номера журналов «Таймс» и «Лук», аккуратно сложенные на полке под шкапулкой для золота. Пожелтевшие страницы хранили память об Америке, которая исчезла сто лет назад. Прошло две недели, и вот как-то во время очередного затяжного штиля безбилетник принес капитану ужин в каюту, а Штайнер предложил ему зайти.

– Не бойся, Уэйн... – улыбнулся он, с легкой усмешкой разглядывая представшего перед ним парня: копна светлых волос, длиннющие ноги, полный странных мечтаний взгляд – прямо

морской вариант Тома Сойера. Оказавшись лицом к лицу с капитаном, Уэйн весь затрясся от волнения, ведь Риччи на пару с профессором Саммерс уговаривали Орловского изменить маршрут «Аполлона», чтобы высадить лишнего пассажира на Азорских островах. – У тебя такой вид, будто ты собираешься захватить корабль. – Неужели капитан ощутил его настрой, заметил агрессию в расправленных широких плечах и хмуром лбу? – Могу тебя обрадовать: мы не заходим к Азорским островам. Просто хочу кое-что показать, иди сюда.

Не притронувшись к ужину, Штайнер открыл сейф и аккуратно достал журналы. Он начал листать выцветшие странички «Тайм» и «Лук», показывая Уэйну фотографии: вот Космический центр имени Кеннеди, вот шаттл приземляется на авиабазе Эдвардс после испытательного полета, вот капсулу «Аполлон» вытаскивают из Тихого океана. В далеких 1970-х вышел еще и специальный выпуск в честь двухсотлетия страны, в нем были запечатлены все важные моменты американской жизни: и переполненные улицы Вашингтона в День инаугурации Джимми Картера, и самолеты, выстроившиеся в очереди на взлетных полосах аэропорта Кеннеди, и счастливые отпускники, кто у бассейнов в Майами, кто на горнолыжных склонах в Аспене, штат Колорадо, кто на яхтах в бескрайней гавани Сан-Диего – вся невероятная сила жизни этой некогда выдающейся нации осталась лишь на пожелтевших снимках.

– Что ж, Уэйн, ты хочешь попасть в Америку. А много ли ты о ней знаешь? – скептически поинтересовался капитан, но тут же закивал, подбадривая Уэйна, который стал безошибочно называть здания и строения.

– Ну, это легко – мост «Золотые ворота», потом «Дворец Цезаря» в Лас-Вегасе, – говорил он, листая журнал, – а это Китайский театр Граумана в Лос-Анджелесе. Вот «Рыбачья пристань», Сан-Франциско, а это в Детройте, шоссе Эдсел Форд. Мне продолжать, капитан?

– Пока хватит, Уэйн, очень хорошо. Ты не похож на обычного безбилетника. Будем работать вместе...

К сожалению, Европа, Азия, да и все остальные населенные части мира давно потеряли интерес к Америке. Большинство европейцев одного возраста с Уэйном и понятия не имели, что изображено на этих древних фотографиях. Убирая журналы обратно в сейф, капитан добавил:

– Если повезет, скоро ты увидишь все это вживую. Скажи-ка мне, откуда родом твои предки? Канзас, Средний Запад? Ты смахиваешь на техасца...

– Новая Англия! – брякнул, не подумав, Уэйн. – Джеймстаун. Мой дед заведовал там скобяной лавкой.

– Джеймстаун? – переспросил Штайнер, глубокомысленно кивая и сдерживая улыбку. Он показал Уэйну на дверь, а затем добавил: – Значит, как раз вернешься к корням. Может, даже сумеешь восстановить страну. Станешь президентом. Из безбилетников в президенты, чего только не бывает. – Капитан задумчиво посмотрел на Уэйна, и тот навсегда запомнил выражение любопытства на его серьезном, пронизательном лице. – Только подумай, Уэйн – сорок пятый президент Соединенных Штатов...

Глава 2

Курс на столкновение

Почему он соврал Штайнеру?

Уэйн отвел взгляд от золотого берега и глянул на капитана, стоявшего на мостике рядом с рулевым. Штайнер смотрел в бинокль на спокойные воды канала, а Уэйн раздраженно стучал пальцами правой руки по перилам. Надо было сказать всю правду, и капитан обязательно посочувствовал бы Уэйну, ведь он и сам своего рода изгой – бороздящий морские просторы еврей, отвернувшийся от собственного народа. Почему Уэйн не выпалил все как есть: я понятия не имею, откуда я родом, я не знал ни своего отца, ни других предков, кроме матери, которая умерла пять лет назад, а до этого половину жизни состояла на учете у психиатра и с горем пополам умудрялась работать секретарем в Американском университете в Дублине. Все, что она мне оставила – это годы бессвязных фантазий и пробел в графе «отец» в свидетельстве о рождении. Скажите же мне, капитан, кто я такой...

Штайнер приказал машинному отделению поддать пара, и корабль пошел навстречу манящему берегу, будто это царство грез притягивало его магнитом. Вспоминая слова капитана о «сорок пятом президенте», Уэйн снова подумал о матери. За последние годы, проведенные в психушке, в ее болтовне часто проскальзывали упоминания о настоящем отце Уэйна, которым, по ее рассказам, был то Генри Форд V, то Браун, последний американский президент в изгнании (ярый в своей религиозности девяностолетний старик, скончавшийся в буддийском монастыре в Осаке за шестьдесят лет до рождения Уэйна), то позабытый фолк-певец Боб Дилан, чью пластинку мать бесконечно ставила на своем граммофоне с ручным приводом.

Но однажды, в краткий момент просветления после передозировки барбитуратов, мать внимательно посмотрела на Уэйна и сказала, что его отец – доктор Уильям Флеминг, профессор компьютерных наук из Американского университета, пропавший без вести двадцать лет назад во время злополучной экспедиции в Соединенные Штаты.

Сперва Уэйн решил, что это странное признание – очередной бред, однако покопавшись в маминых вещах после ее смерти – сплошь дешевая бижутерия, газетные вырезки и пузырьки с лекарствами, хоть антикварный магазин открывай, – он наткнулся на стопку перевязанных ленточкой открыток от доктора Флеминга, отправленных, судя по почтовому штемпелю, из «Саутгемптона, Англия», откуда и стартовала экспедиция. Уэйн был заинтригован короткими, но при этом глубоко личными посланиями, а также неоднократным упоминанием о желании доктора вернуться к «важному дню». Он явно был готов заботиться о своей юной беременной секретарше.

Получается, одержимость Уэйна Америкой, которую его неизвестные предки покинули веком ранее, и решительное желание побывать на опустевшем континенте выросло лишь из попыток найти родного отца? Или, наоборот, поиски отца стали предлогом для дальнего путешествия, придав ему романтического налета?

Да и какая теперь разница? Уэйн выбросил все эти размышления из головы и стал вглядываться в приближающийся силуэт Манхэттена. Как и незнакомые ему предки за века до этого момента, Уэйн прибыл в Америку в надежде забыть прошлое и навсегда отречься от обессиленной Европы. За все время своего пребывания на борту «Аполлона» он только сейчас почувствовал, что остальные пассажиры, мужественно преодолевшие такой долгий путь, стали ему как родные.

По обе стороны от Уэйна люди прижимались к перилам, несмотря на брызги, летящие от ржавого носа корабля. И члены экипажа, и ученые в составе экспедиции – все толпились на палубе. В тот момент даже доктор Пол Риччи, щеголеватый и себялюбивый физик-ядерщик,

не раздражал Уэйна, хотя вообще-то он его недолюбливал – за время плавания Риччи не раз прокрадывался в канцелярию, где Уэйн изучал старинные карты Манхэттена и Вашингтона, и с ухмылкой заявлял, что Соединенные Штаты – отныне его территория. Сейчас доктор стоял рядом с профессором Саммерс и вслух называл ей достопримечательности.

– Вон там, Анна, небоскреб Форда и арабский квартал. Если присмотреться, можно увидеть и Мемориал Линкольна...

Уэйн усомнился, что бабка и дед доктора Риччи действительно родом с Манхэттена, как тот утверждал, и хотел поправить его, однако все вдруг резко замолчали. Орловский, глава экспедиции, стоял рядом с Уэйном, хватаясь за ванты грот-мачты, будто боялся, что его маленькие ножки не удержатся на палубе «Аполлона». Закончив со своими нелепыми комментариями, Риччи приобнял профессора Саммерс за талию, прячась за ее спиной от слепящего берега.

А Анна Саммерс в кои-то веки его не оттолкнула. Ее яркий макияж не растекся от брызг, хотя ветер немного растрепал забранные в тугой пучок светлые волосы. Как бы профессор ни пыталась скрыть это с помощью косметики, долгое путешествие пошло на пользу ее саксонской бледности: невыразительное лицо и высокий лоб теперь сияли, как у девчонки. Уэйн был ее самым большим поклонником. Как-то раз он без стука зашел в радиологическую лабораторию, чем жутко разозлил Анну, ведь она увлеченно расчесывала свои длинные, до пояса, волосы у маленького зеркала и предавалась мечтам среди реакционных колонн и счетчиков излучения. Профессор Саммерс быстро вышла из задумчивого состояния и рявкнула на Уэйна с невероятно четким американским акцентом. Зря Макнэр шутил, что она прежде была Анна Зоммер и сменила свою немецкую фамилию за полчаса до отплытия из Плимута.

Теперь же ее взгляд вновь сделался далеким и мечтательным. Саммерс прижалась к плечу Риччи и даже не пожалела времени на обнадеживающую улыбку Уэйну.

– Профессор Саммерс, опасно ли вдыхать золотую пыль? – спросил у нее Уэйн. – Она ведь может оказаться радиоактивной.

– *Золото* – и радиоактивным, Уэйн? – усмехнулась Анна, со знанием дела глядя на искрящееся побережье. – Не волнуйся, одних прямых солнечных лучей недостаточно, чтобы металл трансмутировал...

И все же что-то было не так. Уэйн ни с того ни с сего отпрянул от поручней. Заслоняя глаза рукой, он прошел по палубе к металлической лестнице и забрался на крышу конюшни, слыша, как беспокойно похрапывают два десятка мулов и выючных лошадей, в стойла которых тоже проникали лучи палящего солнца. Наверху он схватился на вентиляционную решетку. Откуда взялось это странное предчувствие опасности? Уэйн выдержал долгое плавание через Атлантический океан – неужели струсит, когда Америка уже так близко? Внимательно осмотрев корабельные снасти и простирающиеся вокруг воды, Уэйн стал вглядываться сквозь туман в побережье Бруклина и Нью-Джерси.

Похоже, единственным, кто сохранял спокойствие на борту «Аполлона», был капитан Штайнер. Пока толпа на палубе радостными криками встречала приближающийся берег, капитан не покидал своего места рядом с рулевым и все так же смотрел в бинокль на открытое море метрах в ста впереди. Проверив скорость, Штайнер бросил на Уэйна чуть ли не заговорщический взгляд. «Аполлон» мчал по покрытой рябью воде, как резвая яхта; старые паровые двигатели работали на пределе – даже палуба тряслась. Корабль покачивало, и лошади в стойлах едва удерживали равновесие. Прежде осмотрительный Штайнер приказал раскрыть паруса до последнего сантиметра, будто решил окончить плавание с размахом яхтсмена.

Вот и первый из затонувших кораблей с беженцами, мимо которого они прошли в гавани. Бухта у южной оконечности Манхэттена наполнилась ржавыми обломками судов, чьи мачты до сих пор торчали над водой, напоминая о панике, в которой американцы бросились покидать родную землю сто лет назад. В мозаике слоющейся краски на дырявых дымоходах еще можно было различить фирменные надписи древних судоходных линий: «Кунард», «Холланд-Аме-

рика», «Р&О». Близ Бэттери лежал на боку остов лайнера «Юнайтед Стейтс». Уже ушедшее на покой в Кони-Айленд судно вновь призвали к работе, когда понадобилось перевезти десятки тысяч жителей, бегущих из безлюдных городов. Опустошение продвигалось по континенту с запада на восток. Устье Ист-Ривер перекрыли потонувшие грузовые суда – последние из печальной флотилии, созданной из всех мировых портов, а затем брошенной здесь, ведь топлива на обратный путь через Атлантику уже не хватило. Нью-Йоркскую гавань переполняли страх, усталость и отчаяние. От правого крамбола поднимались радужные брызги. «Аполлон» сменил курс, чтобы не задеть взлетную палубу авианосца «Нимиц», огромного судна на ядерном топливе, оставленного мятежной командой – члены экипажа отказались открыть огонь по тысячам малых судов и самодельных плотов, загородивших выход из бухты. Заключительные безумные дни эвакуации американцев Уэйн знал по фотографиям и зернистым киноплёнкам: миллионы запоздавших жителей Среднего Запада и штатов на севере, у Великих озер, прибыли в Нью-Йорк и заполнили улицы Манхэттена – а последние эвакуационные суда уже уплыли.

– Капитан Штайнер! Мы на месте, капитан, незачем так мчать... – волна из-под носа корабля обдала палубу, и Орловский вытер рукавом свое пухлое лицо. Он снова крикнул что-то капитану, но его слова затерялись в шуме двигателей и скрипе парусов, пропитавшихся сажей и брызгами.

Однако Штайнер не обращал внимания на главу экспедиции. Слегка покачиваясь на крепких ногах, он зачарованно смотрел на полные корабельных обломков воды, прямо как сумасшедший капитан из оперы. «Аполлон» подпрыгивал на мрачных пенящихся волнах, а Уэйн стоял на крыше конюшни над взволнованными лошадьми и цеплялся за вентиляционную шахту. Лучи закатного солнца отражались от тысяч безмолвных окон в офисных зданиях, от золотого песка, засыпавшего улицы. Уэйн вдруг осознал, что на одной только пристани золота – как в запасах Форт-Нокса. Военные не сумели вывезти его в Европу и бросили здесь, на берегу.

– Капитан Штайнер, три фатомы!

«Аполлон» приближался к суше, и два моряка пытались опустить мерило вниз вдоль носа корабля.

– Капитан, лево руля! Тут риф!

– Назад, капитан! Иначе ломаем киль!

– Капитан?

Глава 3

Утонувшая русалка

Моряки в панике метались по палубе. Доктор Риччи отошел от перил и наткнулся на старшину. Профессор Саммерс предостерегающе махнула Штайнеру, а двое мичманов тем временем полезли на ванты грот-мачты, пытаясь найти спасение в воздухе.

«Аполлон» потерял темп, скорость уменьшилась вдвое. Паруса обвисли, и было слышно лишь, как плюется дымом раскаленный дымоход. Затем раздался низкий резкий звук, будто по корпусу заскребли металлическим лезвием. Вздвигнув, корабль накренился на правую сторону, словно раненый дельфин. «Аполлон» застыл на месте, едва движимый ветром, а винт под кормой продолжал вспенивать воду.

Все бросились к перилам. Лошади встали на ноги, и их гнусавое ржание заглушило шум двигателей. Уэйн спрыгнул на палубу и очутился между Риччи и Анной Саммерс. Моряки что-то кричали друг другу, показывали на воду, но Уэйн не отрывал взгляда от капитана. Как только рулевой поднялся, потирая ушибленные колени, Штайнер как ни в чем не бывало взялся за штурвал. «Аполлон» покачивался на волнах, перемещаясь по часовой стрелке; ветер утих, и паруса безвольно повисли. Штайнер внимательно смотрел на величественные башни Манхэттена, до которых теперь оставалось чуть меньше километра, и выглядел невероятно счастливым. Неужели он отправился в это долгое неизведанное плавание через Атлантику с тайной целью потопить судно всего в нескольких сотнях метров от цели, лишь бы сокровища заброшенных земель достались ему одному?

– Уэйн, смотри! Видишь, вон там? – показала Анна Саммерс, схватив Уэйна за руку. – Там спящая русалка!

Уэйн стал вглядываться в воды. Винт «Аполлона» замер, и пенистые пузырьки растворились в волнах, омывающих борт корабля. Рядом с судном покоилась огромная статуя женщины, похожая на утонувшую невесту. Она полулежала, подпертая бетонными обломками постамента, всего на метр покрытая водой. Это известное серое лицо напомнило Уэйну лицо матери, когда он увидел ее в открытом гробу в морге психиатрической клиники.

– Кто это, Уэйн? – спросила Анна Саммерс, глядя на невозмутимую статую, в чьих ноздрях уже обосновались омары. – Она похожа на какую-то богиню...

Между ними втиснулся Пол Риччи.

– Местное морское божество, – учтиво сообщил он. – Жители восточного побережья Америки поклонялись целому пантеону подводных существ – вспомните хоть Моби Дика, «Старика и море» или гигантскую акулу-людоеда с милым прозвищем «Челюсти».

Анна Саммерс с сомнением посмотрела на статую и убрала ладонь из рук Риччи.

– Очень уж страстная форма поклонения, Пол, не говоря об опасности для причаливающих судов. Кажется, мы тонем, – немного подумав, добавила Анна.

Естественно, тут же послышались крики.

– Капитан, в корпусе дыра! У нас течь! – Старшина созвал всех моряков и дал команду: – Включить передние насосы! Шустрее, иначе мы тут и осядем!

Уэйн обеими руками сжал поручень. Моряки пробегали мимо него, а он смеялся. Теперь понятно, чего не хватало в облике Нью-Йорка, который он провез с собой через весь Атлантический океан.

– Уэйн, ради всего святого... – попыталась успокоить его Анна Саммерс. – Придется плыть, понимаете?

– Свобода! Неужели не помните, профессор Саммерс? – Уэйн показал на берег Нью-Джерси с каменистым островком в главном канале – обломки знаменитого пьедестала по-прежнему были на месте. Статуя Свободы!

Они оба опустили взгляд в воду у борта «Аполлона». От факела, встречавшего многие поколения иммигрантов из Старого Света, ничего не осталось, но голову статуи все еще венчала корона. Один из ее лучиков-выступов и проделал десятиметровую дыру в боку «Аполлона».

– Ты прав, Уэйн. И все же мы тонем! – Анна Саммерс быстро оглянулась, придерживая рукой пучок волос. – Господи, оборудование, Пол! Что это нашло на Штайнера?

Ржавая вода хлынула из насосов у фок-мачты. Орловский кричал на капитана, грозя ему пухлым указательным пальцем, а Штайнер продолжал расхаживать вокруг штурвала с довольным видом, не обращая внимания ни на главу экспедиции, ни на воцарившийся на палубе ад. Спокойным голосом он передавал указания в машинное отделение через медный рупор.

Двухлопастный винт под кормой забил по воде. Из дымохода вырвалось густое черное облако. «Аполлон» двинулся вперед, неуклюже покачиваясь на волнах. Холодная вода из насоса потекла по палубе к штормовому портику, доходя Уэйну до щиколотки. Риччи и Анна Саммерс отошли в сторону, но Уэйн все стоял у самого края и смотрел, как удаляется от них гигантская статуя. В самый разгар эвакуации президент Браун приказал снять Статую Свободы с ее пьедестала и отправить морем в новые американские колонии в Европе, однако деревянный лихтер, построенный для перевозки статуи, сорвался с тросов у причала. Штормовым ветром его унесло в бухту, где он и наткнулся на острый, как лезвие, киль затонувшего грузового судна. В последние дни эвакуации разразился настоящий хаос, и точное местонахождение статуи так и не было определено. Ее оставили холодным водам следующего века.

Получается, экспедиция уже совершила первое открытие!

С подтопленными носовыми палубами «Аполлон» с трудом продвигался вперед. Впечатленный образом матери, покоящейся под водой, Уэйн решил с этого момента вести дневник и записывать туда все необычное, что ему предстояло увидеть. В свое время он покажет записи доктору Флемингу, единственному настоящему отцу, который ждет Уэйна где-то в Америке, в золотых райских садах запада.

Глава 4

Секретный груз

Берег! Наконец-то «Аполлон» преодолел скопление корабельных обломков в устье Гудзона и сел на илистой отмели у старого пирса Кунард. Экипаж и члены экспедиции притихли, убаюканные размеренным шумом насосов и осознанием того, что теперь они в силах доплыть до берега самостоятельно, даже если судно пойдет ко дну. Когда «Аполлон» уткнулся раненым боком в мокрый ил, все собрались у палубного ограждения, разглядывая живописные пристани. Их взору открывался безмолвный город с заброшенными улицами и величественными башнями, чьи бесконечные окна освещались лучами вечернего солнца.

Дно этого пустынного каньона наполняли дюны в три метра высотой. На разглаженном морским ветром песке не было ни следа: почти целый век здесь не ступала нога человека. Уэйн золотая пыль казалась волшебным ковром из сказок, что он читал в детстве. Начался отлив, и корабль стал оседать в грязи. Уэйн затаил дыхание, молясь о том, чтобы тишина и спокойствие на борту «Аполлона» не сменились внезапным паническим бегством.

Золота хватило бы на всех, его здесь было столько, что Колумб, Кортес и конкистадоры вместе взятые представить не могли. Уэйн вообразил пассажиров и членов экипажа в сияющих одеждах для коронации: сам он в позолоченном камзоле и штанах, на Анне Саммерс – переливающийся на солнце нагрудник и юбка из тонкого листового золота, Пол Риччи – в зловещей черно-золотой броне, Штайнер – в блестящей накидке с капюшоном, стоит у штурвала обновленного, обитого золотом «Аполлона», готового к триумфальному возвращению в Плимут и Старый Свет...

Корабль подал три долгих гудка – Уэйн чуть не оглох. Звук эхом отразился от молчаливых небоскребов и прокатился по Центральному парку, теряясь где-то в верхнем Манхэттене. Резкий гудок отметил момент прибытия, возвещая об окончании путешествия через Атлантику, которое теперь осталось в прошлом. Люди готовились сойти на берег. Как и иммигранты давних времен, каждый прибыл сюда с небольшим, но ценным багажом, с горсткой мечтаний и надежд на новые возможности в неизведанной стране.

* * *

Макнэр стоял на носовом швартовном мостике у люка угольного бункера, отряхивая бороду от черной пыли, и смотрел на совсем другую пыль – золотую, которой были покрыты залитые солнцем дюны на пристани Кунард. В закатных лучах песок, застывший меж громадных башен Манхэттена, стал похож на жидкую бронзу. Разрушительные последствия сурового климата задела Аппалачи: горы треснули, обнажив свои тайные залежи.

Макнэр уже строил планы по сбору этого золотого урожая. Не стоило портить поверхность лопатами или скребковым экскаватором – тут нужен модифицированный зерноуборочный комбайн, на котором можно проехать по дюнам, собирая лишь драгоценный верхний слой «почвы».

Впереди виднелись гигантские строения, широкие автомагистрали и эстакады. Конечно, Макнэра поразил невероятный размах подвесного моста, как и огромные размеры «Нимица» и лайнера «Юнайтед Стейтс», но это никак не влияло на его настрой, а настроен он был познакомиться с великим континентом на собственных условиях. Здесь пригодятся годы учебы судовому машиностроению в Глазго и практики на верфях. Макнэр обладал всеми навыками, необходимыми для пробуждения этого спящего гиганта вместе с его железными дорогами,

плотинами и мостами, шахтами и заводами. Компьютерщики и мастера коммуникаций понадобятся, когда основные механизмы уже будут налажены.

За последний век американцы из небольшой колонии в Шотландии стали практически полноправными местными жителями, и все же Макнэр всегда знал, что однажды вернется в Соединенные Штаты. Только в масштабах великой страны он сможет проявить свои настоящие таланты, которые, как он был уверен, дадут ему занять должность посерьезнее должности главного механика на судне. Его семья когда-то стояла за великими технологиями Америки – один из предков работал в команде НАСА, ответственной за отправку Нила Армстронга на Луну.

Макнэр служил младшим инженером на сухогрузе, перевозящем уголь по маршруту Мурманск-Ньюкасл, когда узнал о вакансии на «Аполлоне». Других желающих не нашлось, а Макнэр откликнулся, не раздумывая, хотя старший механик и не входил в состав экспедиции на континент. Он помог «Аполлону» пересечь океан и теперь был готов сойти на берег и взяться за дело.

Золото было приятным дополнением, своеобразным знаком, что надо идти до конца. Пусть здесь больше не было ни угля, ни газа с нефтью, у Америки все равно нашлось кое-что неожиданное. Макнэра не интересовали красота золота или его ценность – только то, что оно значит для других. С его помощью можно приобрести уголь, боксит, дерево и железную руду у сброда, обитающего на юге Африки и в Южной Америке.

Главный механик вглядывался в пустынный город, напоминая себе, что задача экспедиции «Аполлона» заключается в исследовании небольшого, но заметного увеличения радиоактивности атмосферы над Америкой в последние годы. Возможно, случилась утечка на одной из старых атомных электростанций, или же разлагающаяся боеголовка в заброшенной стартовой шахте достигла критической массы. В любом случае мысль об открывающихся возможностях будоражила Макнэра. Он подумал о физиках, Риччи и Анне Саммерс, которые не отрывались от счетчиков Гейгера. Вот бы эти двое помогли ему направить спящую ядерную энергию в нужное русло, и тогда они вместе разбудили бы настоящего гиганта, положив начало третьей индустриальной революции...

* * *

Орловский стоял на корме у ограждения, с опаской поглядывая на Штайнера; необитаемые небоскребы Манхэттена вызывали у него куда более неоднозначные чувства. Он вообще не хотел отправляться в эту экспедицию. После трех лет успешной, но жутко выматывающей работы на Новой Земле, где он занимался разработкой новых арктических месторождений каменного угля, Орловский с нетерпением ждал возвращения в уютный офис московской штаб-квартиры Министерства энергетических ресурсов. Из информационной рассылки он узнал о вакантной должности главы экспедиции, однако сразу отменил этот вариант. Какой глупец согласится провести полгода, блуждая по бесплодным землям североамериканского континента, далекого и дикого, как Патагония?

Новость об утечках вызывала беспокойство – совсем недавно над Северной Атлантикой засекли радиоактивные осадки, но уже пятьдесят лет ни одна из разведывательных экспедиций не могла добыть ничего ценного, ведь алчная нация успела выкачать из своего континента всю нефть и уголь. Более того, двадцать лет назад экспедиция Флеминга вообще закончилась катастрофой. По неизвестной причине команда сошла с маршрута, а все ее члены погибли от жажды среди солончаковых пустошей Теннесси. Спустя четыре месяца спасатели обнаружили заброшенный лагерь близ Мемфиса с обглоданными ящерицами и останками сусликов.

По понятным причинам было решено, что последующие экспедиции непременно должен возглавлять сильный лидер, который сумеет держать импульсивных ученых в ежовых рукавицах. «Нет, – думал он, – пусть назначают кого угодно, только не Грегора Орловского!» К

его досаде, некий тайный недоброжелатель из министерства узнал об американских корнях коллеги: прадед и прабабка Орловского вернулись из Филадельфии на родину, в Украину, на самом первом корабле с эмигрантами, сменили фамилию с Оруэллов на Орловских и быстро приспособились к прежней жизни.

Орловский и возразить не успел, как оказался на причале в Плимуте, что в Англии. Ему предстояло руководить командой вроде бы профессионалов, а на деле очень странных людей. Иногда во время плаванья через Атлантику Орловскому казалось, что он – надзиратель группы лунатиков. Все члены группы, как и он сам, были американского происхождения, но, в отличие от Орловского, никто из них даже не пытался ужиться среди других народов. С самого отплытия он не сомневался, что каждый протасил на борт какой-нибудь секретный груз: у Орловского давно развился нюх на нелегальный алкоголь, запрещенные батарейки и подозрительно тяжелые чемоданы, забитые угольными брикетами.

Вскоре стало ясно, что причины, по которым большинство из присутствующих присоединились к экспедиции, были далеки от научных, а контрабандой они везли свои коллективные фантазии насчет Америки. После обнаружения юного безбилетника Уэйна все эти беглецы от действительности открыто рассказали о своих целях, объединенные мечтой о «свободе» (последней из великих иллюзий двадцатого века) и твердой верой в то, что в Америке они сумеют начать новую жизнь и реализовать себя. Наверное, именно с таким настроением их далекие предшественники ждали очереди в иммигрантских загонах на острове Эллис.

Что же они собирались обнаружить среди пейзажей из пепла и кирпича, среди опустевших городов, на поддержание жизнедеятельности которых в течение одного дня потребовалось бы больше топлива, чем сейчас вся планета потребляла за месяц? Это не было известно никому – пожалуй, кроме Штайнера, стоявшего на мостике тонущего корабля с жизнерадостной улыбкой. Настоящий капитан не стал бы топить свое судно, а вот Штайнер намеренно пробил борт «Аполлона» о затопленную статую – в этом Орловский не сомневался. Разбросанные по Западной Европе американские общины все еще предлагали небольшую награду за информацию о местонахождении статуи, хотя Штайнером, скорее всего, двигали иные цели.

Капитан на пару с молодым безбилетником часами рассматривал старые номера «Тайм» и «Лук», опьяненный страницами с яркой рекламой. А еще этот неловкий вопрос с наречением корабля, который официально назывался «Исследовательское судно № 299». Предложение Орловского – «Э. Ф. Шумахер», в честь английского экономиста, – не просто не поддержали, а с недовольным криком отменили. С подсказки Штайнера все единогласно выступили за идею Уэйна – назвать судно «Аполлоном». Орловский смирился с сентиментальностью, которая настраивала на великие поступки, на высокие цели – он и сам был тронут мыслью, что в каком-то смысле экспедиция повторяет путешествие Армстронга. Американский континент будет таким же пустынным, как и поверхность Луны. Придется внимательно за всем следить, дабы сохранить здравость рассудка.

Итак, решил Орловский, они быстро обнаружат источник радиоактивной утечки, передадут все данные по радиосвязи на контрольную станцию в Стокгольме и при первой же возможности вернутся в Европу. А для устранения опасности пусть снаряжают экспедицию побольше и выдают оборудование получше.

Тем временем он использует вынужденное заточение, чтобы набрать сувениров (в чудном золотистом свете над побережьем Бруклина виднелась старая вывеска автозаправки «Эксон» – за нее в России дадут немало рубликов) для Валентины и девочек. Ну и увлекательные рассказы о путешествии пригодятся на приемах в министерстве. Мрачный ландшафт древних мертвых городов... На мгновение Орловский представил себя колониальным администратором Нью-Йорка, проконсулом бескрайних засушливых земель. Большой страной должен править большой человек...

* * *

Вытирая сажу со своих изящных рук о перила в средней части корабля, доктор Пол Риччи думал: «Так вот он какой, Нью-Йорк. Вернее, таким он когда-то был. Величайший город двадцатого столетия, в котором билось сердце международной экономики, промышленности и индустрии развлечений. Теперь он так же далек от реального мира, как Помпеи или Персеполь. Господи, это настоящая окаменелость, сохранившаяся на краю пустыни, словно город-призрак на Диком Западе. Неужели мои предки и правда жили среди бескрайних каньонов? Они прибыли сюда в 1890-х годах из Неаполя на судне для перевозки скота, а век спустя вернулись в Неаполь – опять же на судне для перевозки скота. Теперь моя очередь.

Что ж, здесь полно скрытых возможностей, надо лишь к ним подступиться и пробудить от долгого сна. Взять хоть прекрасную Анну Саммерс. Сейчас она в не настроении и держится чопорно, но как только мы отправимся исследовать новые земли, профессор переменится... Этому поспособствует золотистая пыль на наших бронзовых телах, запах лошадей на бедрах после езды верхом, привкус опасности в поисках радиоактивной утечки (наверняка всему виной разрыв в активной зоне реактора: работники покидали атомные станции в такой спешке, что и не подумали заделать пролом).

Тут, конечно, жарковато, над дюнами так и пышет зной, но это все же лучше, чем оставаться в Турине, где назревал небольшой скандал по поводу библиотечного фонда института. Пришлось бы давать показания следствию, да и свою роль во всем случившемся не скроешь... Меня бы ждал профессиональный позор: ближайшие десять лет работать химиком на фабрике по производству рыбной муки в Триесте, делить комнату в общежитии с другими рабочими и вонять сушеными кальмарами. Нет, лучше пустынный город. Что ни говори, а его жители разбирались в масштабе и имели вкус. Может, прадед Риччи был родом отсюда. Представляю, как он мчит по Бродвею в машине, огромной и хромированной... Как их там называли? Ах да, «кадиллак»».

* * *

Первые впечатления профессора Саммерс от Манхэттена были немного подпорчены безумным броском «Аполлона» по усеянной обломками бухте и столкновением с затонувшей статуей. Что замыслил Штайнер, этот странный человечешка, вечно тревожащий ее своим пристальным взглядом? Опустевший мегаполис, до которого теперь было рукой подать, тревожил Анну не меньше. Нью-Йорк не растерял грубого очарования, в нем по-прежнему чувствовались энергия и предприимчивость безжалостных деловых людей, которые возвели небоскребы. Анна воспитывалась в американском гетто в Берлине (на немецкий манер ее звали Анна Зоммер, но по внезапному велению сердца она снова изменила фамилию на Саммерс, проведя в Плимуте всего одну ночь), и Нью-Йорк занимал особое место в памяти беженцев. Даже коктейль из виски и вермута называли «Манхэттен». Коренные европейцы бранили родственников с американскими корнями за поддержание вульгарных вкусов предков, однако Анне нравился ускользающий аромат мрачных воспоминаний о Манхэттене с его роскошными отелями, лимузинами и гангстерами...

Все же вернемся к делу: одним из секретных ингредиентов «коктейля», видневшегося впереди, мог оказаться опасный радиоактивный изотоп. Хорошо, что во время плавания она усердно занималась научной работой и проводила по пять часов в день в лаборатории, несмотря на протесты Риччи, страдавшего морской болезнью. В случае чрезвычайной ситуации они не смогут эвакуироваться на «Аполлоне». Согласно последним данным из Стокгольма, вектор радиоактивных осадков в воздушном потоке Северной Америки брал начало к югу от

Великих озер, в районе Цинциннати и Кливленда. Интересно, что изотопы включали в себя барий и лантан, излучаемые старомодным атомным оружием вроде боеголовок тактических артиллерийских снарядов – хотя об этой находке коллеге она не сообщила. Возможно, вековая коррозия проела один из древних ядерных арсеналов.

А пока что остается тщательно записывать сейсмографические и радиационные показатели трижды в день, приглядывать за Риччи (слишком уж он небрежен, хотя готов присвоить себе славу за любое открытие) и защищать свою безупречно белую кожу от свирепого солнца. Зачем она вообще вызвалась в эту экспедицию, зачем бросила маленькую, но уютную квартиру в Шпандау, привлекательного, пусть и чересчур серьезного любовника, средних лет специалиста по ветеринарной фармакологии, и дополнительный мясной паек раз в месяц? Ответ прост: хотелось вздохнуть полной грудью, хотелось достичь большего. Стараясь избегать взгляда Штайнера, Анна смотрела на громадные здания, полные нечеловеческой мощи.

Тем временем капитан Штайнер в одиночестве стоял на мостике, прижавшись уставшей спиной к спицам штурвала. Он из любопытства следил за поведением членов экипажа и пассажиров, пытаясь предугадать их реакцию в ближайшие минуты. Долгое плавание было своего рода замысловатой игрой, в которой требовалось принимать немало рискованных решений. И все-таки он сумел, как и планировалось, посадить протекающее судно на ту самую отмель у пирса Кунард, где когда-то стояли великие лайнеры из королевской серии «Куин». Здесь «Аполлон» и будет ждать, пока Штайнер не завершит свою личную поисковую миссию.

Он унял легкую дрожь в руках, появившуюся при мысли о финальном заплыве через гавань. К счастью, затопленную статую не унесло течением. Она лежала за кормой «Нимица», как и говорил престарелый капитан экспедиционного судна в Генуе, которого Штайнер настойчиво спаивал граппой во время увольнений на берег. Штайнер долго служил в израильском флоте, охраняя Средиземное море по приказу разбойников из ОПЕК, но на самом деле готовился не к плаванью в бескрайнем океане, а к сходу на бескрайнюю землю. К молчаливому и пустынному американскому континенту, так непохожему на Израиль, Иорданию и Синайский полуостров, хотя те тоже поросли небоскребами. Врата в город вели к пустынному континенту, который мог сравниться величию с любым океаном. Скоро он, потомок физиков из Финикса и Пасадены, тайно жалевавший, что не уродился в семье астронавтов и жителей Великих равнин, ступит на эту землю. Он вернулся в свою страну и снова готов покорять и ее бескрайние просторы, и, если повезет, космическое пространство над ней.

Глава 5

К внутреннему морю

Люди так резко бросились на высадку, что Уэйн от удивления никак не мог отцепить руки от поручней, словно Орловский надел на него наручники. Всех членов экипажа и экспедиции одновременно охватило волнение – так долго их мучило желание оказаться на американской почве. Только что все стояли и смотрели на серые небоскребы и безлюдные улицы, и вот уже к мосткам поскакала безумная толпа. Моряки, бросив насосы, ринулись к носовому кубрику, где похватили вещмешки и пустые чемоданы, готовясь набить их любым добром, что найдется в городе.

Только один Орловский стоял к берегу спиной. Топая по палубе, он ревел в карманный мегафон на капитана:

– Штайнер! Отзовите своих людей! Капитан, вы меня слышите? Ваши работники вышли из-под контроля!

Однако Штайнер не двинулся с места: он по-прежнему опирался на штурвал с видом приветливого гондольера, который терпеливо ждет, пока впечатлительные туристы покинут его лодку.

Первым на берег ступил Макнэр. Он спрыгнул на отмель, издав при этом некий шотландско-американский боевой клич. Его по бедра засосало в грязноватый ил, но он сумел выбраться и направился вперед по хлюпающей покато́й земле. Все с мостков наблюдали за ним – что же будет? Дойдя до причала ржавого пирса Кунард, Макнэр подбежал к огромной золотистой дюне – песок просыпался досюда с одной из прибрежных улочек. Уэйн видел, как запачканными илом руками Макнэр схватил горсть ярко-золотой пыли и подбросил в воздух. Его мерцающая фигура скрылась за гребнем дюны, а приглушенный голос эхом отражался от офисных зданий.

Не прошло и пары минут, как члены экипажа соорудили временный настил из спасательных шлюпок и палубных досок и двинулись в сторону города, помахивая друг другу чемоданами. За ними последовали члены экспедиции, а Штайнер наблюдал за ними, стоя у штурвала покинутого «Аполлона». Группу ученых возглавлял Орловский, прикрывший лысину пробковым шлемом. Вне корабля к Орловскому вернулось хорошее настроение, хотя он опасливо поглядывал на счетчик Гейгера в руке доктора Пола Риччи, словно подозревал, что пустынные улицы города так и сочатся радиацией.

– Невероятно, – признался он. – Чувствую себя Колумбом. Того и гляди, сейчас явятся туземцы с традиционными подношениями в виде гамбургеров и комиксов. Скажите, мы в безопасности?

– Расслабьтесь уже, дорогой Орловский, – постаралась успокоить его Анна Саммерс. – Здесь ни туземцев, ни следов радиоактивности на сотни миль. Самое страшное – можем наткнуться на автомобиль, не более того.

Риччи опустил на колени и зачерпнул горсть блестящих песчинок, поглядывая на следы Макнэра на дюне.

– Потрясающе, Анна. Даже вблизи похоже на золото. Стоит сделать анализ – сегодня вечером мне на час понадобится спектрометр.

Уэйн, следовавший за ними, оглянулся и увидел, что Штайнер машет ему рукой, показывая на город. Замысловатые цели капитана беспокоили Уэйна. Как только Анна Саммерс остановилась, чтобы вытряхнуть песок из обуви, он подскочил к ней и Риччи.

– Уэйн! – Орловский схватил его за руку. – Ничего не трогай. Забыл, что в этом полушарии ты находишься нелегально?

Уэйн со смехом вырвался из его хватки, впервые за долгое время почувствовав себя с главой экспедиции на равных.

– Да ладно тебе, Грегор! Перед нами Америка!..

Уэйн побежал вперед к огромным горам песка, засыпавшим портовый бассейн со стороны прибрежных улиц. Золотистая дюна, переливающаяся на солнце, напоминала изгиб груди, к теплу которой Уэйн с радостью припал.

В течение следующих часов они совершили свой первый набег на пустой город – ощущения были пьянящие, но сбивали с толку. Уэйн устало плелся по душному, заполненному песком каньону, некогда представлявшему собой Седьмую авеню, и вскоре понял: если и есть в Америке улицы, усыпанные золотом, то точно не на Манхэттене. Застывший весь город ковер из драгоценностей, о которых конкистадоры и мечтать не могли, оказался обманом зрения. Среди отдаленных выкриков матросов и звона бьющегося стекла витрин баров и магазинов Уэйн осознал, что находится посреди суровой дикой пустыни под лучами беспощадного солнца.

Конечно, иллюзия сделала свое дело, оставив у всех неизгладимые впечатления от первого взора на берег Америки. Вместе с тем ослепительное сияние напоминало Уэйну о его заблуждениях. Он ожидал увидеть улицы, заставленные блестящими «фордами», «бьюиками» и «крайслерами», чей вычурный дизайн приглянулся ему в старых журналах, – настоящие символы скорости и стиля Штатов, главные виновники энергетического кризиса. Однако трехметровые дюны доходили до вторых этажей офисных зданий. Солнце разрушило половину Аппалачских гор, просыпавшихся камнем и песком на улицы городов. Дорожные знаки и светофоры торчали из песка ржавой порослью, старые телефонные линии провисли, отмечая края пешеходного лабиринта. Во впадинах меж дюнами, будто подземные пещеры, виднелись входные двери баров и ювелирных магазинов.

Тяжело ступая по Бродвею, Уэйн проходил мимо безмолвных фасадов отелей и театров. В центре Таймс-сквер десятиметровый цереус, кактус-гигант, протягивал свои внушительные конечности к раскаленному небу, как часовой, охраняющий вход в пустынный заповедник. Заросли полыни свисали с ржавеющих неоновых вывесок – весь Манхэттен словно превратился в съемочную площадку последнего в мире вестерна. В окнах вторых этажей банков и финансовых домов цвела опунция, а на двери офисов авиакомпаний и турагентств отбрасывали тень юкки и мескитовые деревья.

На пересечении Пятой авеню и Пятдесят седьмой улицы Уэйн решил передохнуть – карабкаться по дюнам было не так уже легко. Только он прислонился спиной к покрытым пылью фонарям светофора, как вдруг что-то мелькнуло за торчащей из песка вывеской на здании неподалеку. Из тени выползла маленькая, но опасная на вид ящерица – ядозуб. Существо рассматривало молодого человека взглядом хищника.

Уэйн зацепил ногой золотистого песка и сыпанул в морду зверю, а потом побежал. По обе стороны улицы обитатели пустыни вели едва заметную, но бурную жизнь. В окнах старых рекламных агентств вместо прежних нервных руководителей подергивались скорпионы. Рогатая гремучая змея нежилась на солнышке у входа в издательство; проводив взглядом Уэйна, она отползла в тень и затаилась среди письменных столов, будто беспощадный редактор. Целое семейство гремучников дремало среди репейника на подоконнике актерского агентства: когда Уэйн прошел мимо, они застучали хвостами, освобождая его от болезненного прослушивания.

Уэйн двигался дальше в сторону Центрального парка. Огромные кактусы, стоящие рядами вдоль парка, было видно издалека: некогда зеленый островок в сердце города превратился в пустынную копию самого себя; прямоугольный участок дикой природы словно переместили сюда из Аризоны. Весь мокрый от пота, Уэйн мечтательно осмотрелся в поисках гидранта. Через водостоки и канализацию, следуя линиям метро, в город просочилась морская вода. Рощицы из миниатюрных тамарисков и креозота, типичных для пустыни кустарников,

появились на месте подземных стоянок роскошных отелей; усыпанный песком вход в Рокфеллер-плаза зарос болотной травой и колючими деревцами пало-верде.

В поисках воды Уэйн повернул обратно на Пятую авеню, забрался на невысокую дюну и пролез в открытое окно второго этажа огромного универмага. Песок нанесло и сюда, он лежал между мебельными гарнитурами и оборудованием для барбекю. За столом в немой сцене собрались хорошо одетые манекены, вежливо уставившиеся в восковые блюда на тарелках; они не обращали никакого внимания на золотистую пыль из прошлого, покрывающую их лица и плечи.

Уэйн решил вернуться к «Аполлону» и пробирался назад по авеню, стараясь ступать по тенистым выемкам между дюнами. Его настигло легкое разочарование, как будто кто-то был в Нью-Йорк раньше и украл мечту. И вообще, безлюдный мегаполис, в котором царил песок, выглядел жутко. Тысячелетия отделяли современных людей от древних пустынных городов Египта и Вавилонии, а Нью-Йорк с его ржавыми неоновыми вывесками, казалось, застрял между раем и адом, словно громадные строения опустели лишь вчера.

Снова делая передышку, Уэйн вошел через окно в большое офисное здание: в продолговатом мрачном зале теснились сотни столов, каждый из которых был оборудован телефоном и пишущей машинкой – такое чувство, что ночью здесь трудится целая команда призрачных секретарей. Вспомнив об экспедиции Флеминга, Уэйн поднял трубку, надеясь услышать предостерегающий голос давно пропавшего отца, который убедительно просит сына возвращаться в безопасную Европу.

На улице вспыхнул свет, и Уэйн спрятался за оконной стойкой. На гребне ближайшей к нему дюны появилось мерцающее существо с золотистыми руками и пылающей бородой. Оно оглядывалось по сторонам и било ногой по песку, как обезумевшее животное.

– Макнэр! – Уэйн выпрыгнул из окна и побежал к нему. – Макнэр, не волнуйся!

Инженер был весь в блестящем песке. Золотая пыль тонкой пленкой покрыла его бороду, рубашку и брюки.

– Привет, Уэйн, ну, как тебе Америка? Золото, случаем, не нашел? Я думал, мы будем сказочно богаты, думал, завалим «Аполлон» золотом, подлатаем и подкрасим это старое корыто. А тут одна *ржавчина*, Уэйн, столетняя ржавчина...

– Макнэр, тут целый континент, – показал Уэйн на горизонт в сторону запада. – Найдем и золото, и серебро.

– Ну конечно. – Покрытые золотистым песком губы Макнэра растянулись в саркастичной улыбке. – Набьем «Аполлон» крутыми тачками и двинемся к Скалистым горам.

Он иронично приветствовал человека на лошади, который появился из-за огромного кактуса на перекрестке. Козырек его фуражки прикрывал солнечные очки.

– Слышали, капитан Штайнер? Вы готовы отчаливать? С первым же отливом мы отправляемся на запад, к золотым берегам...

Макнэр резко дернул ногой, поднимая вверх облако песка, и кивнул однообразному голубому небу и безмолвным улицам.

Штайнер неторопливо вел черную кобылу вверх по склону. Его мрачное лицо, закрытое солнечными очками, ничего не выражало. Уэйну показалось, что, несмотря на морской прикид, капитан выглядел куда естественнее верхом на лошади, нежели у штурвала «Аполлона». Жара и яркий свет пустыни, беспокойная лошадь, вздымающая копытами горячий песок, величественный кактус за плечом капитана – в такой обстановке Штайнер напоминал жителя равнин с Дикого Запада.

– Отлива не будет, Макнэр, долго еще не будет. Идем обратно к судну. Помоги ему, Уэйн.

С седла свисала веревка, скрученная кольцом. Неужели капитан все это время шел за Макнэром по песчаным улицам, надеясь заарканить инженера и связать, как своенравного бычка, взволнованного видом собственной тени? На обратном пути к «Аполлону» Уэйн смот-

рел на Штайнера по-новому, с ббльшим уважением. Возвращались к кораблю и матросы, толкая перед собой переполненные чемоданы. Кто-то успел напиться награбленного виски, кто-то тащил голый женский манекен из стеклопластика, схватив его за искусственные волосы, – в Европе, где одежду выдавали по карточкам, таких кукол давно не видели. Орловский уже ждал на пирсе Кунард, миролюбиво обмахиваясь найденной на континенте ковбойской шляпой. Риччи раздраженно жаловался на что-то Анне Саммерс, пока та храбро пробиралась сквозь завалы песка, одной рукой придерживая разваливающийся пучок на голове – вскоре этот слабый узел развяжется и выпустит на волю ее скрытое американское я.

Уверенно сидя верхом, Штайнер замыкал шествие и дождался, пока все не вернутся обратно на борт, словно планировал бросить их там и в одиночку отправиться в путь через внутреннее море безлюдного континента.

Глава 6

Великая американская пустыня

В семь вечера, когда наконец-то стало немного прохладнее, небольшая исследовательская группа выдвинулась к полумрачным улицам северо-западной границы заброшенного города. Впереди ехал Штайнер, за ним следовали Орловский и Анна Саммерс; Уэйн на пегой лошадке с белой гривой был позади. Риччи остался кипеть от злости в своей каюте после стычки с капитаном. Штайнер поймал доктора на контрабанде: тот стащил из оружейного магазина крупный самозарядный пистолет и пытался пронести его на борт.

На Манхэттене стояла тишина. Солнце катилось по небосводу над западными землями, громадные здания замыкались в собственной пустоте. Группа прошла по мосту Джорджа Вашингтона, и все замерли, чтобы насладиться видом на невероятно широкое русло реки Гудзон. Впереди открывался заросший полынью песчаный простор, целая плантация кактусов и опунции. Веком ранее Гудзон пересох, и теперь в его бескрайнем сухом русле процветали многочисленные виды пустынных растений, чьи семена прилетели сюда из Нью-Джерси. Беспощадные лучи полуденного солнца сменились красноватыми красками вечера. Члены группы молча стояли рядом со своими лошадьми у полуразрушенной автострады. За джерсийским побережьем можно было различить прямоугольные силуэты отдельных зданий – их фасады в закатных лучах напоминали Столовые горы в Долине монументов.

Неподалеку оказалось шестиэтажное офисное здание, стеклянные двери которого давным-давно разбили вандалы. Привязав лошадей, исследователи залезли на крышу по лестнице, обвивающей шахту лифта, и осмотрели безлюдные земли, будто покупатели, оценивающие выставленную на продажу дикую местность.

– *Пустыня...* – В знак уважения Орловский снял шляпу и приложил ее к своей пухлой груди. – Кругом одна пустыня и так, наверное, до самого Тихого океана.

Анна Саммерс прикрыла глаза, защищая их от солнечного диска, который уже наполовину скрылся за горизонтом. Кроваво-красное свечение оживляло ее лицо – прибыв на пустынный курорт бледной, Анна показывала заметное улучшение уже в первый день. Не раздумывая, она коснулась плеча Уэйна – профессор явно переживала за судьбу юного безбилетника.

– Странно и в то же время знакомо, как будто я уже бывала здесь. Грегор, мы же знали, что климат переменялся.

– Но не настолько. Здесь прямо-таки Сахара двадцатого века. Мы не готовы к исследованию подобной территории. Что скажете, капитан?

Штайнер снял очки и посмотрел на пересохшую реку. Его сильно загорелое лицо приобрело ястребиный вид, глаза спрятались в глубине глазниц под нависшим над ними закаленным лбом.

– Не соглашусь с вами, Орловский, – спокойно ответил он. – Это лишь очередной вызов природы. Понимаешь, Уэйн?

* * *

Уэйн прекрасно его понимал. На следующее утро, пока Орловский с Анной Саммерс руководили перемещением экспедиционных запасов с борта на берег, Уэйн присоединился к группе вооруженных моряков, решивших исследовать местность вокруг Нью-Йорка. Под руководством Штайнера они проехали пятнадцать километров по пустыне – высушенной солнцем глуши, простирающейся до самых гор Катскилл и даже дальше. Повсюду, и в Йонкерсе, и в Бронксе, им попадались родники со свежей водой в дренажных трубах, а прямо из треснутой

плитки у бассейнов в мотелях росли жалкие на вид финиковые пальмы. Однако этих немногочисленных оазисов не хватило бы для продолжительной экспедиции в глубь материка.

Вид неудавшегося континента лишь побуждал Штайнера двигаться дальше – проснулись его давние запасы сил для выживания в безводном мире. От некогда могучей страны осталась лишь песчаная пыль, мерцающая на солнце, и мысль об этом серьезно затронула всех членов экспедиции. Они проехали верхом по молчаливым окраинам Нью-Йорка, пересекли шаткую громадину Бруклинского моста и попали на Лонг-Айленд, а потом и к побережью Нью-Джерси, оставив позади призрак высохшего Гудзона. Бесконечные ряды домов без крыш, заброшенных торговых центров и усыпанных песком парковок вызвали тревожные чувства. Наконец-то можно было передохнуть после полуденной жары; в компании матросов Уэйн бродил по пустынным супермаркетам, чьи полки по-прежнему были забиты консервами, которые никто так и не съел. Они забрались и на верхние этажи многоквартирных домов: североамериканской зимой эти роскошно обставленные апартаменты превращались в обитель льда. На захваченной пустыней территории пышно разрослись кактусы – и на тенистых площадках у заправочных станций, и в загородных садах. В аэропорту Кеннеди у сотен брошенных авиалайнеров давно спустили шасси, а на крыльях «Конкордов» и «Боингов» проросли мескитовые деревья и опунции.

Повсюду сохранилось немало признаков отчаянных попыток последних американцев, оставшихся на континенте, бороться с энергетическим кризисом. В великой стране гигантских шоссе, заводов и высотных домов можно было найти и старые лачуги с дровяными печами, и скромные домишки, к крышам которых амбициозно крепились самодельные солнечные батареи, и водяные колеса, чьи лопасти навеки забило песком. Тысячи импровизированных ветряных мельниц соорудили жители у себя на заднем дворе или перед домом, пустив в ход металлические корпуса холодильников и стиральных машин. Еще более зловещий вид безмолвным улицам Куинса и Бруклина придавали похожие на неприступные крепости автозаправки и государственные водные станции; в заваленных мешками с песком стенах, частично разрушенных, виднелись отверстия для стрельбы.

А еще повсюду, к радости Уэйна, стояли автомобили. Засыпанные песком по самый бампер, их ржавые каркасы стали своего рода клумбами для диких цветов, пробившихся сквозь осколки лобовых стекол. Моторный же отсек служил пристанищем для кенгуровых крыс и других грызунов.

Как раз машины и поразили Уэйна больше всего. В детстве, проведенном в Дублине, он представлял себе Америку, полную хромированных мастодонтов, однако автомобили на улицах Нью-Йорка и его пригородов оказались крошечными, как будто их создали для гномьих гонок. Ко многим крепился газовый баллон или углежог, другие же могли похвастаться причудливыми сплетениями древних паровых труб и камер сжатия.

Штайнер вместе с матросами направился обратно к «Аполлону», а Уэйн слез с лошади у забитого песком автосалона на Парк-авеню. Он провел вечер под палящим солнцем, раскапывая огромную дюну, что закрыла выставленные на продажу машины, сохранив их краску яркой и блестящей. Уэйн добрался до одного из миниатюрных автомобилей, которым оказался «кадиллак-севилья» длиной всего в два метра, открыл дверцу и втиснулся на сидение. Прочитал предостерегающие инструкции под значком «Дженерал Моторс» – не ехать быстрее пятидесяти километров в час, резко не тормозить – и рассмеялся.

Где же настоящие «кадиллаки» и «линкольны» прошлых времен? Куда подевались величественные «крайслеры»?

Глава 7

Годы кризиса

Члены экипажа и пассажиры допоздна сидели на мягко освещенной палубе «Аполлона», спать никому не хотелось. Уэйн слушал, как Орловский, Штайнер и Анна Саммерс обсуждали переработку плана экспедиции. Проведя два дня в Нью-Йорке, они не переставали усиленно думать над тем, что же могло стать причиной мощного климатического переворота, лишившего жизни эти некогда плодородные и влиятельные земли.

По мнению Орловского, первые признаки упадка Америки появились еще в середине двадцатого века. Уже в те годы некоторые проницательные ученые и политики предупреждали население, сообщая, что потребление мировых энергетических ресурсов, а именно нефти, угля и природного газа, растет пугающими темпами и их запасы через поколение истощатся. Стоит ли говорить, что на подобные предостережения никто не обратил внимания. Появились движения за экологически чистые технологии, но индустриализация планеты не замедляла хода, особенно в развивающихся странах. К 1970-м запасы топлива, как и предсказывалось, были на исходе. Цена на нефть, прежде скромная и неизменная, вдруг подскочила втрое, вчетверо и к середине 1980-х увеличилась уже в двадцать раз. Поиск новых запасов нефти под международным контролем оказался успешным и принес временную передышку, однако вследствие необузданной промышленной деятельности Соединенных Штатов, Японии, Западной Европы и стран Восточного блока в 1990-е проявились признаки неразрешимого глобального энергетического кризиса.

Рухнула экономика некогда процветавших стран, которые теперь были не в силах приобретать импортную нефть по бешеным ценам. Египту, Гане, Бразилии и Аргентине пришлось отказаться от программ массовой индустриализации. Пафосный проект по ирригации Западной Сахары закрыли, плотину в верхней части Амазонки так и не достроили. Возведение нового крупного портового комплекса, который превратил бы Занзибар в Роттердам Центральной Африки, замерло в одночасье. По указанию французского и британского правительств прекратилось строительство моста через пролив Ла-Манш. Две части громадного подвесного моста простирали друг к другу свои конечности, но встретиться им было не суждено: в середине так и остался километровый прогал, ведь как только в конце 1980-х истощились месторождения нефти и газа в Северном море, стало ясно, что интенсивного движения здесь не предвидится.

По всему миру промышленное производство сходило на нет. Лавиной обрушились фондовые биржи; ситуация на Уолл-стрит, а также на парижской и лондонской биржах была еще хуже, чем во время Биржевого краха 1929 года. К середине 1990-х гиганты автомобильной промышленности Соединенных Штатов, Европы и Японии сократили производство на треть. Тысячи рабочих были уволены, а сотни производителей деталей стали банкротами, заводы закрывались, жители прежде процветающих пригородов выстраивались в очереди за пособием по безработице. Впервые за столетие специалисты по демографии отметили значимый отток населения из городов в сельскую местность.

В 1997 году из одной американской скважины был выкачан последний баррель сырой нефти. От огромных запасов бензина, на которых весь двадцатый век держалась экономика Штатов и которые сделали эту страну величайшей индустриальной державой, ничего не осталось. С тех пор Америка могла рассчитывать лишь на скудные объемы импортной нефти, хотя резервы на Ближнем Востоке и в Советском Союзе тоже были на грани истощения.

Во всех промышленно развитых странах ввели строгое нормирование топлива, и деятельность государств на самом высшем уровне сосредоточилась на поиске новых источников энер-

гии. Десятки учреждений ООН запустили ускоренные программы по развитию реализуемых систем энергии морских волн, планировалось построить плотины для регулирования приливов и отливов, ветряные мельницы и разнообразные генераторы на солнечных батареях. Была сделана запоздалая попытка оживить ядерную энергетику, чье развитие еще в 1980-х подавили лоббисты многих стран, выступавших против атомной отрасли.

Однако альтернативные источники энергии покрывали лишь десятую часть топливных нужд Соединенных Штатов, Японии и Европы. На американских заправках цена бензина за галлон уже выросла с семидесяти пяти центов в 1978 году до пяти долларов в 1985-м, а к 1990 году и вовсе взлетела до двадцати пяти долларов. С введением системы нормирования в 1993 году цена на контрабандный бензин на черном рынке составляла сто долларов за галлон на Атлантическом побережье Штатов и более двухсот пятидесяти в Калифорнии.

Конец настал скоро. В 1999 году компания «Дженерал Моторс» объявила себя банкротом и прекратила существование. Через несколько месяцев за ней последовали «Форд» и «Крайслер», та же участь постигла сети автозаправок «Эксон», «Мобил» и «Тексако». Впервые за век в Соединенных Штатах остановилось производство автомобилей. В своем послании Конгрессу в преддверии 2000 года президент Браун процитировал проникновенный отрывок из буддийского философского текста и заявил, что отныне использование частных бензиновых транспортных средств запрещено законом. В народе, однако, укрепилось мнение, что чрезвычайное постановление было издано, как это часто случалось в американском правительстве, совсем не вовремя, ведь поток автомобилей на широких автомагистралях и федеральных шоссе Соединенных Штатов давно иссяк. Сквозь трещины в асфальте калифорнийских трасс вылезли сорняки по пояс; по всей стране в гаражах и на парковках ржавели миллионы машин со спущенными шинами.

Никто не ожидал такого скорого краха некогда мощной индустриальной державы. После нехватки бензина жители Америки были готовы к нормированию электроэнергии. Люди привыкли, что часто отключается свет и внезапно гаснут экраны телевизоров, что вода и продукты поставляются с перебоями, что в школу, на работу или магазин надо идти пешком или ехать на велосипеде. Народ держался до тех пор, пока в первые месяцы 2000 года движение окончательно не прекратилось: теперь тишину улиц нарушали только немногочисленные муниципальные автобусы и бронированные машины, перевозящие запасы на чрезвычайный случай. В один момент вся нация вдруг обессилела, потеряв веру в себя и свое будущее. Увидев миллионы брошенных автомобилей, народ лишился воли.

За следующее десятилетие жизнь в Соединенных Штатах пришла в упадок: ограничение в выдаче продуктов, бесконечные отключения энергии – в конце концов, свет стали давать всего на час в день. Закрывались заводы, навсегда замирали производственные линии. Люди уезжали в небольшие населенные пункты, подальше от насилия и мародерства умирающего мегаполиса.

Но в отсутствие каких-либо источников энергии и в сельской местности существование вскоре стало возможным лишь на самом примитивном уровне. Из-за морозной зимы и душного лета, свойственных Среднему Западу, состояние уже бедствующих фермерских хозяйств было подорвано: урожая, выращенного для собственных нужд, и так не хватало, а тут еще беженцы из города.

Первые эмигранты начали неохотно собирать вещи и покидать Америку, направляясь через Атлантический океан в Европу. Там благодаря социалистическому режиму и деятельности борцов за охрану окружающей среды, а также мощной централизованной форме правления производство сумели сохранить, пусть и довольно скромное. Да, лампочки горели тускло, зато была работа: в маленьких сельскохозяйственных кооперативах и на государственных угольных шахтах, на национализированных машиностроительных заводах, в пищевой промышленности и, главным образом, в бюрократических организациях, разросшихся от Португалии до Кореи.

Чем больше городов Соединенных Штатов становились заброшенными, тем сильнее рос темп миграции. Целые флотилии кораблей собирались в гаванях Нью-Йорка, Бостона и Балтимора, Сан-Диего и Сан-Франциско. За следующие двадцать лет практически все население Штатов вернулось в исходные точки Европы и Африки, Азии и Южной Америки, повторяя в обратную сторону маршрут своих предков, плывших на запад двести лет тому назад. Белые американцы возвращались в Италию и Германию, в Восточную Европу, Британию и Ирландию, черные – в Африку и Вест-Индию, латиносы переходили вброд Рио-Гранде и двигались на юг, к Мексике.

К 2030 году американский континент полностью опустел, в его прежде переполненных городах никого не осталось. По согласованию с европейскими странами-партнерами президент, Верховный суд и Конгресс учредили эмигрантское правительство Соединенных Штатов в Западном Берлине, но его роль была неминуемо формальной. Когда президент Браун уединился в буддийском монастыре в Японии, Конгресс сам себя распустил, а все выборы были отложены на неопределенный срок. И правительство Соединенных Штатов, и сама страна перестали существовать.

* * *

В последующие годы мировое правительство приняло масштабные меры по контролю климата с целью прокормить растущее население Европы и Азии. Благодаря впечатляющему мастерству геоинженеров ландшафт американского континента постепенно менялся. Главным нововведением стало возведение плотины на мелких водах Берингова пролива между Чукоткой и Аляской. Холодные арктические воды были направлены на юг к Тихому океану, чтобы более теплые Атлантические течения могли попасть к Северному полярному кругу через Гренландию, и это восстановило климат Северной Европы и Сибири. Впервые за долгое время температура зимой поднялась выше нуля, вечная мерзлота оттаяла, миллионы гектаров дикой местности задействовали под сельское хозяйство и добычу угля, а летом пшеницу выращивали даже за полярным кругом.

К сожалению, последствия таких перемен оказались губительными для Соединенных Штатов. Северный поток горячих экваториальных вод Атлантики вскоре повлиял на климат восточного побережья Америки. Пока последние эмигранты боролись за места на транспортных судах в гаванях Бостона и Нью-Йорка, на опаленные солнцем берега брошенных городов опустилось горячее облако пыли. Уже с бортов кораблей отправляющиеся в Европу американцы видели, как место их городов занимает пустыня.

А тихоокеанское побережье Штатов тем временем охватило разрушительное изменение климата другого плана. Холодные арктические воды, направляемые на юг через Берингову плотину, срезали себе путь через теплые глубины Тихого океана, оставив за собой ледяной след. К середине двадцать первого века Япония превратилась в замерзшую глушь, на некогда плодородных холмах теперь можно было кататься на лыжах. Сотни кубических километров холодных вод двинулись на юг, к экватору, превращая залитые солнцем атоллы и лагуны Маршалловых островов в ледяные рыболовные угодья для отважных китобоев, обосновавшихся в иглу и заснеженных хижинах.

Смещенные ледяным течением, экваториальные воды переместились к американскому побережью. Горячее полинезийское течение вытеснило холодное перуанское и с юга подкрадось к пляжам Калифорнии. Прибрежные горы подверглись воздействию влажного теплого воздуха, результатом чего стали проливные дожди и сильные паводки. Американцы, покидающие солнечный (в прошлом) штат – они отправлялись из Калифорнии в Австралию и Новую Зеландию, – наблюдали, как гавани Лонг-Бич и Сан-Диего накрыло грозовой пеленой, простиравшейся до самых Скалистых гор. Согласно последним сообщениям из Лас-Вегаса, азартную

столицу Штатов затопило ливнями, и свет от затухающих вывесок отелей отражался в погруженной в воду пустыне – в этом жестоком зеркале можно было увидеть весь крах и унижение Америки.

Глава 8

Пересохшие земли

Через десять дней после прибытия «Аполлона» в гавань Нью-Йорка небольшая экспедиция отправилась верхом по пустынному восточному побережью Соединенных Штатов. Под руководством капитана Штайнера группа пересекла засыпанный песком Гудзон и устремилась вперед по широкой и безлюдной магистрали, прежде известной как главное шоссе Нью-Джерси.

Уэйн сидел на повозке с запасами, крепко зажав в руках удила пары мулов, и первые несколько километров пути вернули ему энтузиазм, который он ощутил еще на борту «Аполлона», когда судно входило в гавань. Прикрывая глаза от ослепительного сияния песка, молодой человек умелым жестом щелкнул хлыстом по запылившимся бокам мулов, отстававших даже от крепкой пегой лошади Орловского, что шла неспешным шагом. Небоскребы Манхэттена и офисные высотки Ньюарка и Джерси-Сити скрылись далеко позади, и после нескольких сумбурных дней в Нью-Йорке они наконец-то добрались до Великой американской пустыни.

Хотя следов экспедиции Флеминга обнаружено не было, Уэйн не терял уверенности в том, что они все же найдут Эльдorado, о котором он так долго мечтал – не город из золота в буквальном смысле, занимающий мысли Макнэра, а образ Соединенных Штатов, бережно сохранившийся на страницах журналов «Тайм» и «Лук». Должно же все это до сих пор существовать!.. Резиновые шины повозки врезались в мягкий песок. Движение – вот вся суть Америки, в движении заключается ее энергия, ее вера в саму себя. Уэйн окинул взглядом пересохшие земли Нью-Джерси; он не сомневался, что сумеет обуздать эту дикую местность. Однажды ее снова будет ждать расцвет.

Штайнер на черной кобыле ехал во главе группы почти в трехстах метрах впереди, его темный силуэт мерцал в дымке, поднимавшейся от шоссе. Временами капитан исчезал из виду, оставляя вместо себя в дрожащем воздухе лишь расплывчатый знак вопроса – как будто проваливался в параллельное измерение. За ним следовал вещевой обоз из двадцати лошадей, нагруженных продовольствием, полевым снаряжением и научными приборами – половину оборудования из лаборатории на борту «Аполлона» распилили по седельным выюкам.

– Орловский, можете позвать Штайнера? Опять он ведет свою собственную экспедицию... – Доктор Риччи слез с лошади и начал расставлять сейсмографические треноги и счетчики излучения, чтобы сделать очередной пятимильный замер. Анна Саммерс тем временем отстегивала радиоприемник, настроенный на детектор гамма-излучения на крыше небоскреба Пан-Ам-билдинг на Манхэттене. Уэйн в компании одного юного матроса совершил героический подъем по бесконечной лестнице к вертолетной площадке: там они установили передатчик, а в награду за свои усилия насладились захватывающим дух видом американской пустыни, протянувшейся до самых Аппалачей.

Риччи, стряхивающий песок с элегантной кожаной куртки, как всегда казался уставшим и раздражительным – местная природа не особо его очаровала. Анна же, как с радостью заметил Уэйн, напротив, выглядела невозмутимой и с деловым видом занималась настройкой радиоприемника. Через три дня после прибытия в Нью-Йорк она вдруг вытащила шпильку из пучка волос, и по ее спине заструились длинные светлые волосы. В глазах Уэйна с такой белой копной волос Анна Саммерс походила на вдову, неустанно бродящую по пустыне в поисках молодого супруга.

Опустив головы, лошади тяжело брели по песку, то и дело вздрагивая при виде кактусов, которыми была усыпана земля к востоку от шоссе. Животных нельзя было упускать из виду ни на минуту, и экспедиции явно не хватало рабочих рук. Орловский взял с собой неохотно

согласившихся моряков, однако не прошло и часа в пути из Нью-Йорка, как те сбежали, скрывшись где-то среди машин и грузовиков в сухом русле Гудзона. Конечно, эти двое предпочли бы остаться на Манхэттене с остальными членами экипажа «Аполлона», занимаясь ремонтом корабля днем и разгуливая по пустым барам ночью. В городе можно было рыскать по брошенным квартирам в поисках необычных одежд и граммофонов, за которые потом в Европе дадут кучу денег.

Уэйн предполагал, что его-то уж точно оставят на судне, учитывая настойчивое желание Штайнера отправиться в путь вместе с группой – главным вместо себя он назначил Макнэра. Однако после дезертирства двоих моряков недовольный Риччи прискакал обратно к «Аполлону» за Уэйном, которому поручили следить за повозкой с запасами. К счастью, мулы слушались Уэйна; правда, сколько ни хлестал он их по бокам запыхавшимися поводьями, они все равно отставали от основной группы. Поверхность шестиполосного шоссе усеяли гниющие чемоданы и баулы, но по направлению на юг дорога была более-менее свободной, в отличие от встречных полос с ржавеющими остовами машин, автобусов и странных на вид транспортных средств с газовыми баллонами на крыше – люди бросали их посреди дороги, как только кончалось топливо, и остаток пути до точек эвакуации проделывали пешком.

Чтобы успокоить себя, Уэйн прислушивался к плеску и шороху в металлических цистернах, что лежали в повозке. Никто его не бросит, всем нужны запасы, а Уэйн везет тысячу галлонов воды в стальных бочонках и еще дистилляционный аппарат, с помощью которого воду можно будет добыть из любого соляного озера или ручья по дороге. В крайнем случае экспедиция двинется к морю и будет ждать прибытия «Аполлона» на пляже, используя сплавной лесоматериал и сухие водоросли в качестве топлива для дистиллятора. Без Уэйна им не обойтись. А вот если он вдруг решит скрыться, группа точно попадет в затруднительное положение.

– Профессор Саммерс! Не присоединитесь? Доктор Риччи!

С виновато-хмурым видом Уэйн привстал. Неужто Штайнер прочитал его мысли? Капитан остановился в тени путевого указателя, до высоты которого не дорос даже гигантский кактус по соседству. Двое ученых как раз сложили оборудование и вернулись в седло. На голове Штайнера по-прежнему была морская фуражка, но лицо под узким козырьком приобрело бесстрастный и одновременно напряженный вид, как у одинокого шерифа или стрелка с Дикого Запада. «Правда, Уайетт Эрп¹ не носил очки...» – пришла дурацкая мысль в голову Уэйна.

– Сюда, Уэйн. Не надо делать вид, что тебя бросили. Орловский!

– Капитан, я вам не галерный раб. – Вспотевший Орловский прищипорил свою лошадь и преодолел последние метры легким галопом. Если Штайнер походил на Дон Кихота, то глава экспедиции в промокшем от пота сером повседневном костюме, с его коротенькими ножками и пухлой грудью, отлично годился на роль Санчо Пансы.

– Трентон... Уилмингтон... Атлантик-сити... – Орловский читал надписи на указателе, вытирая лицо шелковым платком – десятки таких он спокойно вынес из магазина на Пятой авеню. – Жаль, этих знаков еще не было при отцах-основателях – как знать, может, они бы резко развернулись и пошли обратно... Позвольте напомнить, капитан, что экспедицией руковожу я, а вы лишь помогаете нам с навигацией.

– И отвечаете за лошадей, – добавил Риччи, ерзая в седле. – Что за увечную вы мне подобрали? Она уже хромает.

Штайнер повернулся к ним лицом, не сходя со своей крепкой черной кобылы, и глубокомысленно кивнул физику.

– Скорее, доктор, у вас увечный зад. Стоит попробовать ехать боком, как в дамском седле.

¹ Уайетт Эрп (1848–1929) – охотник, картежник и страж закона, получивший известность благодаря вестернам с основанным на его личности героем.

Орловский прервал их спор, и Штайнер, развернувшись в облаке пыли, помчал вперед. У Уэйна вдруг появилось дурное предчувствие: однажды капитан вот так ускачет и оставит всех умирать. Наверняка именно это он и замышляет, хотя сам еще не до конца осознал, что остальные лишь везут его багаж... Уэйн хлестнул мулов, пытаясь догнать Анну Саммерс, но она сильно оторвалась, не желая слушать мужские пререкания.

Все десять дней в Нью-Йорке были полны споров и банальных недовольств. Когда спало первое возбуждение от прибытия в Америку, его место заняло отчетливое чувство тревоги и, что еще хуже, дезориентации. Гигантские песчаные дюны, доходившие до парка Бауэри, горячие ветра и огромные кактусы, ослепительное сияние пустыни, тянувшейся до самого горизонта – все это делало их долгое плавание совершенно бессмысленным. Пока Орловский и Штайнер ругались из-за того, что в будущем предстоит «Аполлону», экспедиция была на грани распада. Каждый мысленно возвращался к собственным мечтам – и не только матросы, потрошившие мертвый город. Даже Анна Саммерс прихватила небольшой трофей: черное вечернее платье в пол из универмага «Мейсис» на Пятой авеню. Нарядившись, она вышагивала по лаборатории среди реторт и счетчиков Гейгера, любовалась собой в зеркале и иногда звала заскучавшего Уэйна, чтобы услышать от него комплимент.

На закате Риччи непременно снимал белый халат и переодевался в вульгарный костюм – их у него была целая коллекция. В последний вечер в Нью-Йорке Уэйн наткнулся на физика на Сорок второй улице: Риччи сидел в салоне древнего лимузина, погруженного в дюну. На нем был экстравагантного кроя костюм в тонкую полоску с лацканами, похожими на крылья, а между колен доктор зажал ржавый автомат Томпсона. На сиденье лежали пачки старых зеленых банкнот, которые Риччи забрал из хранилища банка неподалеку. Уэйн обратился к нему, а Риччи продолжал молча вглядываться в манхэттенские сумерки, мечтательно задумавшись о гангстерских временах.

Похоже, из всех членов экипажа и экспедиции только Орловского и Уэйна не переменяло прибытие в Америку. У первого изначально не было никаких планов, а вторым владела мощная фантазия, которую ничто не могло поколебать. На одиночку Штайнера высадка на берег повлияла больше всего. Капитан покинул свое судно во всех смыслах слова. Его ничуть не волновала судьба ржавеющего «Аполлона» с дырой в боку, а еще он красноречиво пожимал плечами, как бы говоря, что обратного путешествия через Атлантику этому судну не видать. Все это ужасно разозлило Орловского, и на пятый день глава экспедиции приказал Риччи арестовать Штайнера и запереть в его собственной гауптвахте.

Физик с невероятной скоростью вытащил из рукава пистолет и бандитской походкой двинулся на Штайнера. Капитан наблюдал за ним с улыбкой и с притворной тревогой поднял руки, кивком показывая Уэйну: смотри, на что он способен, запомни на будущее. Хорошо, что в этот момент из машинного отделения вышел Макнэр. Успокоив Орловского, он отдал честь Штайнеру и заявил, что будет рад остаться за главного на борту «Аполлона» и руководить ремонтными работами, пока капитан вместе с экспедицией отправится в Вашингтон. Через два месяца судно подберет их и возьмет курс на Майами.

Однако теперь, в составе колонны всадников и животных, было не время потакать своим прихотям. Уэйн намеренно погрузился мыслями в окружающий пейзаж из бесконечных песчаных городов, разделенных соляными озерами и поросших полынью. Он вел повозку мимо ржавых машин, замечая то подрагивающего скорпиона, то встревоженную гремучую змею под автобусом, то ядозуба у лошадиных копыт. Вся Америка под раскаленным небом, казалось, была окутана пылью, законсервирована под белым песком, – одно дуновение, и в нее снова кто-то вдохнет жизнь.

Уже тогда для Уэйна это стало вызовом: всего пять человек на огромном континенте, и каждый волен вести себя, как пожелает. Они были ответственны только перед собственными

мечтами и нуждами нервных окончаний. Приспосабливаясь к новой территории, Уэйн стал смотреть на Риччи взглядом хищника, думая, как бы схватить его за горло.

Правда, чуть позже группа прибыла в пустынный город Трентон, и Уэйн обнаружил, что на этой, казалось бы, безлюдной земле они вовсе не одни.

Глава 9

Индейцы

За час до заката группа разбила лагерь: это была их первая ночь под открытым небом среди американской пустоши. Усталые животные с трудом везли всадников по шоссе, но Штайнер вдруг показал всем на дорогу через насыпь – в километре отсюда виднелось отдельно стоящее здание, которое некогда представляло собой симпатичную загородную гостиницу рядом с небольшим озером и полем для гольфа. Там, на заваленной камнями подъездной дорожке у молчащего фонтана, путники и расположились.

В отеле их никто не встретил. Небольшая дюна доходила до ступенек, ведущих к вращающейся двери. Окна, выходящие на озеро, от которого остался лишь потрескавшийся котлован, помутнели от грязи. Многолетняя пыль пеленой окутала все вокруг, а тюлевые занавески придавали помещениям еще более зловещий вид.

Штайнер молча проследовал к отелю, чтобы осмотреть его, проверить окна и двери. К досаде Уэйна, никто не спешил расседлать лошадей – все с безразличным видом стояли рядом с измученными животными, как наемные участники похорон. Уэйн думал, что Орловский остановит капитана, но глава экспедиции притих, разглядывая пустынные земли из-под запылившейся шляпы. В его глазах читалась тоска по Москве.

Пока у людей еще оставалось немного сил, Уэйн энергично крикнул:

– Ну-ка, давайте снимать седла. Доктор Риччи, привяжите лошадей у фонтана, нальем им туда воды. И помогите мне с повозкой.

– Уэйн? – Орловский снял шляпу и с подозрением посмотрел на бывшего безбилетника, который справлялся с ситуацией куда лучше его самого. – Хорошо... – одобрительно кивнул он. – Профессор Саммерс, забудьте на время о сейсмографе – в ближайший час землетрясений не предвидится. Настройте рацию на Нью-Йорк, надо связаться с Макнэром и узнать, нет ли каких новостей из Стокгольма. Риччи, идите за Уэйном, похоже, он свое дело знает.

Покормив лошадей и установив палаточную столовую, Уэйн оставил ученых заниматься ужином. Штайнер сумел открыть одно из окон гостиницы и теперь ходил по верхним этажам здания, осматривая спальни. Залезая через окно вслед за капитаном, Уэйн обернулся: его попутчики работали среди лошадей и разложенного оборудования. Он сделал небольшой, но значительный шаг, укрепив за собой право быть полноправным членом экспедиции. В то же время следовало присматривать за Штайнером, который бодро вышагивал среди покрытых пылью столов в полумраке бара. Они оба – и Уэйн, и капитан – заняли свое место в Америке.

Десять минут спустя нашли пять галлонов солоноватой воды в котле центрального отопления отеля, и Уэйн с интересом ждал, что же на это скажет Штайнер.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.